

Это лекарство, несчастный случай, не трудно выпить.

Не так хорошо, как воображение Ажао, так что зачерпнуть ложкой - не мучение.

Вдвоем они скормили одну порцию, и миска вскоре увидела дно.

На последней минуте Ачжао вдруг закашлялась. Она схватилась за губу платком, но от этого движения случайно задела руку богача.

Чаша с лекарствами в его руке затрещала.

Часть остатков супа, оставшегося на дне чаши, попала и на халат.

Ажао: "..."

"Мне очень жаль", - искренне сказала она.

Фэн Вэй посмотрел как обычно: "Ничего".

Он взял чашу с лекарством и взял в нее засахаренный фрукт. Он протянул его с серебряным знаком и отправил в рот Ажао.

Чжаои.

Она подняла глаза и, казалось, увидела в них нежность.

Но когда она моргнула и посмотрела снова, во взгляде была лишь мягкая улыбка, где же тут нежность?

Может быть, это иллюзия?

and.....

Она жаждала засахаренных фруктов на своих губах и всегда чувствовала, что они слишком близко, чтобы созерцать их.

Это настоящие мать и дитя. После совершеннолетия я не сделаю такого жеста.

Ажао отвел глаза и не открыл рот. Вместо этого он обратился к Фэн Ци: "Ваше Величество, я могу прийти сам".

Губы Фэн Ци сложились в улыбку: "Дети заняты, редко выпадает возможность проявить сыновнюю почтительность за матерью. После матери, не позволить ли детям проявить сыновнюю почтительность?"

О, согласно их предыдущему соглашению, сыновняя почтительность также является одним из образов императора, который должен быть воздвигнут.

Ажао сузил глаза: "Но сейчас нет посторонних".

Подразумевается, что не нужно показывать это другим.

Фэн Вэй с вожделием посмотрел на засахаренные фрукты на своих руках.

Он хотел сказать, что это не должно быть видно другим.

Но сейчас это не подходит.

Он все еще не уверен в ее намерениях, и сейчас он не в состоянии убить все угрозы.

Он мягко улыбнулся, больше не настаивая, положил серебряный знак.

"Это ребенок".

Он родился с добрым духом, поэтому он опустил глаза и с намеком на низкий тон, это было действительно невыносимо.

А Чжао открыл рот и хотел сказать, что я дам тебе поесть?

Конечно, этого нельзя сказать.

Она молча съела два цуката, только в прошлом она ела вкусную еду, и у нее не было такого сладкого вкуса.

Фэн Ци словно не знала, что делать. Видя, что она закончила есть, она отнесет цукаты вниз и увидит книгу сбоку.

"Это при матери?"

Ажао покачал головой: "У меня кружится голова, я не смотрю на нее, а литераторы, которые читают литературные слова, читают ее мне".

Фэн Вэй взял копию, там было написано о женщине, переодевшейся в мужской наряд.

"В таком случае, я прочитаю абзац для моей матери".

А Чжао посмотрел на него: "Ты был очень занят в последнее время?"

Фэн Синь ответил, что не очень занят.

Занят и хочет подавить этот траур, которого не должно быть.

Конечно, окончательный вывод таков: никакого давления.

Фэн Вэй - не тот человек, который заботится о мире, как и о том, насколько он сам любит горевать.

Раз уж нельзя давить, так и не давите.

Он слегка улыбнулся: "Я занят".

Когда вы будете заняты, у вас будет больше времени, чтобы увидеться с вами".

Слушая, как он говорит, что Ажао - это не чепуха, очень естественно произнести: "Я только что прочитал ее 18 раз".

Фэн Ци прочел восемнадцать раз и начал шептать: "Этот дух прибыл в колледж. Естественно, нужно быть осторожным, чтобы не ошибиться с местом. Я подумал: среди однокурсников есть ученый по имени Чжэн."

Фэнъинь звучит низко и мягко, в этот тихий снежный полдень, как хороший гипнотический фимиам.

Сознание Чжао постепенно погружалось в хаос.

В середине его, кажется, приближается очень знакомый запах.

--

Еще 4.

С пятью-шестью шагами проблем нет.

<http://tl.rulate.ru/book/19472/2086293>